

«Ощущал себя чрезвычайно влюбленным»: опыт взросления великого князя Александра Павловича

Алина
КОВАЛЕВА

Все, что мы знаем о культуре взросления конца XVIII – начала XIX века, – это то, что мы почти ничего о ней не знаем. Больше того: специфический социальный темп того времени ставит под сомнение сам факт осмысления себя подростком (и данная статья написана в том числе с целью понаблюдать за данным психологическим казусом). В 14–15 лет, смотря по обстоятельствам, человек, живший в ту эпоху, воспринимал себя еще ребенком или же вполне взрослым человеком; и современники Екатерины II совершенно *четко ощущали* и, по всей видимости, *осознанно* проживали только три возраста: детство, зрелость и старость. Это доказывают множество мемуаров того времени, в которых подростковый возраст автором, как правило, «проглатывается», а за ретроспективным изложением чисто детских воспоминаний обыкновенно следует динамический переход к зрелости; во всяком случае это почти всегда верно для нарративистики, принадлежащей авторам-мужчинам¹.

Алина Ковалева (р. 1988) – специалист по политической истории России и истории репутаций первой половины XIX века.

1 Это точно так же верно и для женских автобиографий. Но если на излете века Просвещения у молодых дворянок объективно не существовало периода юности – ни в социальном смысле, ни в юридическом,

**ЭГО-ДОКУМЕНТЫ:
МЕХАНИЗМЫ
ПЕРСОНАЛЬНОГО
СВИДЕТЕЛЬСТВА
В ИСТОРИИ**

Однако отсутствие фиксации на каком-либо состоянии совершенно не означает, что это состояние не проявляется как-нибудь исподволь. И, если отрочество в полном смысле слова «рождается» только в XIX веке, тем интереснее наблюдать, как взрослеет юноша предыдущего поколения. Уже не мальчик, но еще не мужчина. Как он себя осознает, какие формы взросления акцептирует, как маркируется для него смена возрастных вех, какие формы сексуальных отношений – в широком смысле – для него приемлемы (и доступны). К сожалению, как только мы захотим ответить на этот вопрос, то обнаружим исключительную редкость наиболее репрезентативных для такого исследования источников – дневников и писем личного характера, которые заговорили бы с историком голосом автора, без оглядки на губернаторов, старших родственников и им подобных. Обыкновенно эта проблема решается обращением к значительно более широкой и многочисленной категории источников – ретроспективным эго-документам. Однако же *проживать* и *вспоминать* – в данном случае совершенно разные, и даже до некоторой степени конкурирующие друг с другом, категории. Когда спустя тридцать, сорок, пятьдесят лет современники уже совсем другой эпохи – с другим культурным кодом, другой моралью, другим языком и другой социальностью – вспоминают, как были молоды, исследователи, конечно, понимают, что имеют дело с искусственно созданным конструктом и ограниченной репрезентативностью.

В описи фонда 728 «Коллекция документов рукописного отделения Библиотеки Зимнего дворца» Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ) за номером 377 значится «портфельчик с несессером зеленого сафьяна с записной книжкой в.к. Александра Павловича – с его дневниковыми записями и заметками, относящимися ко времени пребывания в СПб принцессы Луизы Баден-Дурлахской (впоследствии имп. Елизаветы Алексеевны)». Коллекция поступила в тогдашний Центральный государственный исторический архив Москвы в 1948 году из Центрального государственного архива древних актов СССР (ныне Российский государственный архив древних актов) и первая же проверка – спустя восемь лет после фактической передачи дел – выявила отсутствие 221 документа. В том числе, к сожалению, и портфельчика, и несессера, и записной книжки. Конечно, в череде биографических загадок, окружающих личность императора Александра I, необъяснимым и бесследным исчезновением (чего-либо), пожалуй, трудно удивить, но у этого документа совершенно особенная судьба: в ней переплелись домашние истории Романовых, наследники и наследование.

ни в каком бы то ни было еще, – то у молодых мужчин определенно существовал некоторый временной «люфт», превратившийся для поколения 1820-х во вполне осмысляемое состояние *being an adult*.

Личные документы семьи Романовых при отсутствии прямого владельческого завещания переходили в сложный статус семейной и одновременно государственной собственности; помещенные на хранение в Собственную Его Императорского Величества Библиотеку (СЕИВБ), они могли быть извлечены оттуда по требованию – в том числе для научно-исследовательской работы, – но только с санкции правящего императора². Впрочем, великие князья имели возможность просто «взять почитать» ту или иную рукопись – тем более, что в СЕИВБ хранилось действительно много любопытного. Так, например, чуть было не «зачитал» мемуары графа Александра Бенкендорфа великий князь Сергей Александрович, когда «Саша [Александр III. – А. К.] дал их» ему в 1893 году³. Пропажа второй части документа обнаружилась только после убийства великого князя в 1905-м, и, что характерно, найти недостающий фрагмент удалось лишь в наше время. А Николай Михайлович в переписке с Николаем II сетовал на вероломство «тети Саша» Нарышкиной: «Она ведь вовсе не сожгла, а хранила все записки Александра I к Марии Антоновне⁴ у себя, не имея на то ни малейшего права, а должна бы их передать Тебе»⁵.

Отметим, что оба великих князя – Сергей и Николай – в разное время занимались поиском и сохранением разрозненных материалов для жизнеописания опальной в доме Романовых императрицы Елизаветы Алексеевны, чей личный архив, а также значительная часть переписки с мужем были сознательно уничтожены ее правящим деверем Николаем I⁶. Стоит заметить, что внутрисемейное неприятие императрицы Елизаветы Николаем Павловичем и его прямыми наследниками отчасти закономерно: супруга Николая, Александра Федоровна (старшая), всегда воспринималась правящей невесткой как женщина пустая, недалекая и дурно воспитанная. Александру, впрочем, достало воспитания, чтобы в мемуарах этот лед отразить в незначительной степени, без претензий; рассказывая о встречах с Елизаветой в год своего замужества, она замечает: «Тогда еще императрица относилась ко мне вполне дружественно»⁷. Это «тогда» в отношении двух женщин звучит как приговор. Однако же судьба сделала еще один ис-

2 См., например: Зимин И. В. *Библиотекари Зимнего дворца: книги, библиотекари, императорские семьи (1762–1917 годы)* // Новый исторический вестник. 2015. № 1(43). С. 10–23.

3 ГАРФ. Ф. 648. Оп. 1. Д. 29. Л. 324.

4 Мария Антоновна Нарышкина (1779–1854) – фаворитка императора Александра I.

5 *Письма Великого Князя Николая Михайловича к Императору Николаю II* // *Российский архив: история отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.* М.: Студия ТРИТЭ; Росархив, 1999. Т. IX. С. 353.

6 См.: Ковалева А. П. *Где искать архив императрицы Елизаветы Алексеевны* (<https://proshloe.com/perepiska-elizavety-alekseevny.html>).

7 *Александра Федоровна. Воспоминания 1817–1820. Из альбомов императрицы Александры Федоровны* // *Николай I. Муж. Отец. Император.* М.: Слово/Slovo, 2000. С. 145.

ключительный поворот: совершенно неожиданно для своих державных родителей наследник Александр Николаевич пожелал жениться на принцессе, которой никто ему в жены не предлагал и не предназначал. Максимилиана Вильгельмина Августа София Мария Гессенская и Прирейнская, ставшая впоследствии российской императрицей, была... родной племянницей Елизаветы и между прочим очень чтит свою тетушку (с течением лет это почитание усилилось еще и за счет многочисленных и вполне очевидных параллелей в жизни обеих: от политических претензий, возлагаемых российским обществом и впоследствии не оправдавшихся, до появления у мужа второй семьи и детей)⁸.

Великий князь Сергей Александрович в 1890-х достаточно серьезно занимался розыском личных документов Елизаветы на территории Российской империи и снятием копий с документов из архивов зарубежных. Впоследствии его вдова в некотором роде «завещала» замыслы своего супруга другому энтузиасту – и вместе с тем исследователю александровской эпохи, – великому князю Николаю Михайловичу. По удивительному стечению обстоятельств он тоже приходился прямым родственником Елизавете Алексеевне. Его мать, в российском подданстве великая княгиня Ольга Федоровна, родилась в семье родной племянницы Елизаветы и вышла замуж за младшего из сыновей Николая I.

Перечисление всех этих генеалогических обстоятельств может показаться ненужным и утомительным, но здесь следует обратить внимание на следующее: после смерти «загадочного сфинкса» Александра и его не менее «загадочной» супруги правящий император делает все возможное, чтобы стереть документальный след своей невестки – уничтожению подвергаются личные дневники, записные книжки, переписка, в том числе с мужем-императором, и так далее. И вот спустя каких-нибудь восемьдесят лет внук и племянник императора Николай I восстанавливают по крупицам биографическую летопись императрицы, используя прямые родственные связи с Баденским правящим домом. За копиями фамильных документов обращаются не просто к герцогам и курфюрстам, а к дядюшкам, тетушкам и прочим родственникам. Как знать, без этого родства, каким объемом документов мы располагали бы после всех перипетий XX века.

8 Сходство, замеченное многими. См. интересное наблюдение Александра Половцова из разговора с императрицей Марией Федоровной: «Она восхищается этою личностью [Елизаветой Алексеевной. – А.К.] и сравнивает ее с покойною императрицею Мариею Александровною, которая была ей племянницею» (Половцов А.А. *Дневник государственного секретаря*. М.: Центрполиграф, 2005. Т. I. С. 407). Так же интересны в этом отношении записки Петра Долгорукова: Долгоруков П.В. *Петербургские очерки*. М.: Новости, 1992. С. 120–121.

Так или иначе, за границей в интересах высокородных заказчиков действовали чиновники дипмиссий⁹, а в России сбором документов и их копированием занимался Василий Щеглов, заведующий СЕИВБ. Именно в фонде Щеглова я обнаружила копию записной книжки Александра I, которой Николай Михайлович почему-то не воспользовался (в его исследованиях она не фигурирует). Труд Щеглова в конечном счете сохранил для нас историю романтического знакомства Александра Павловича с невестой, его ежедневные хлопоты, мелкие расходы и прочее. Разумеется, приходится учитывать несколько обстоятельств: во-первых, мы имеем дело с копией дневника; во-вторых, не меньше половины текста в подлиннике были кем-то замазаны, о чем Щеглов добросовестно пишет, но не делает попыток разобрать зачеркнутое; наконец, Щеглов, кажется, не выяснял, где хранилась записная книжка в 1826 году – среди личных бумаг императора или императрицы. Известно только, что уже после смерти Елизаветы Алексеевны она попала в домашний архив Александры Федоровны, а в 1864-м была передана в СЕИВБ¹⁰. Иными словами, мы не знаем, кто изначально сохранил этот дневничок – сам Александр или его жена (которой он в таком случае был подарен); кто и с какой целью мог испортить его, замазав половину текста, – тоже вопрос неоднозначный. Во всяком случае вряд ли это сделали наследники императорской четы; если бы этот невинный документ показался им почему-либо неудобным, нет никаких сомнений, что его постигла бы судьба всех остальных сожженных документов.

СЕКРЕТНЫЙ ДНЕВНИК

Осенью 1792 году графиня Шувалова привезла в Санкт-Петербург двух юных баденских принцесс. Старшей из них 13, а младшей 11 лет. Формально девушки приехали в качестве гостей; однако факт приезда ко двору двух юных иностранок держался в тайне – во всяком случае от старшего внука императрицы. И – что по-своему смешно и странно! – он почти наверняка не был предуведомлен о матримониальных планах Екатерины. С точки зрения последней, уже изучившей «рынок европейских невест», – тянуть не следует, ведь хорошеньких кандидаток так мало, а следующее поколение подтянется только лет через пять–семь. Стоит рискнуть. Екатерина рассудила устроить старшему внуку сюрприз, но в самой безобидной форме: две совсем еще юных принцессы гостят при дворе, обе

⁹ Так, например, некоторые документы в Баварии разыскивал для великого князя Николая Михайловича Александр Извольский – будущий министр иностранных дел.

¹⁰ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 706. Оп. 1. Д. 17 (мкф.). Л. 1.

принадлежат владетельному дому, к тому же, несмотря на молодость господина Александра, этот последний достаточно разумен, чтобы понимать: выбор жены для него всегда будет ограничен весьма немногими кандидатурами. Двадцать лет назад с великим князем Павлом никаких проблем не возникло – он влюбился и женился; как знать, возможно, и тут все пройдет легко и непринужденно. Вот, что императрица пишет одному из наиболее вовлеченных в эту историю лиц – Николаю Румянцеву¹¹:

«Я думаю, что никто не ошибается насчет их [принцесс. – А.К.] назначения, а между тем мне хочется, чтобы личность, наиболее в этом заинтересованная, сама меня на это вызвала: ведь он сам женится, а не я его женить буду»¹².

Обыкновенно биографы Александра Павловича для описания событий осени–зимы 1792 года обращаются к дневным запискам его дежурного воспитателя Александра Протасова; это в самом деле довольно подробный источник, в котором автор пересказывает разговоры с воспитанником и события при большом дворе¹³.

Обнаружение дневничка самого Александра предоставляет удивительную как в исследовательском, так и в психологическом плане возможность сравнить их оптические горизонты, сопоставить объективный (в смысле принадлежности объекту действия) и субъективный взгляд на события¹⁴.

На первых страницах – геометрические фигуры, записи мелких расходов и карманных денег (25 и 15 рублей); на обороте переплета «написано карандашом: “Михайла Жданов пыльщик второго класса при пыльной мельнице в Колпине. Радивон Иванович... [фамилия не разобрана Щегловым. – А.К.]”»¹⁵.

Дальше, на страницах с 9-й по 12-ю Щеглов фиксирует несколько записей, почти полностью зачеркнутых, впрочем, изначально очень кратких – буквально в несколько слов каждая, с датами и днями недели, но без указания месяца: воскресенье 7, понедельник 8, вторник 9, среда 10 и воскресенье 14. Так 7-го в Таврическом дворце давали спектакль «Испанский замок»; что было 8-го, мы не узнаем, слова зачеркнуты; 9-го – «спектакль и ужин, маленький бал» (других слов в записи нет, или они не разобраны Щегловым); 10-го – «спектакль и

11 Который по приказу Екатерины первым проводил «разведку» в отношении баденских принцесс, представил их описание, а также набросал свои мысли по поводу перспектив этого брака.

12 *Екатерина II и граф Н.П. Румянцов* // Русская старина. 1894. № 4. С. 163.

13 Протасов А.Я. *Дневные записки А.Я. Протасова о воспитании великого князя Александра Павловича* // Древняя и новая Россия. 1880. Т. 17. С. 762–775.

14 Следует помнить, что мы имеем дело с копией, а не с подлинником, и во всех отношениях нам приходится полагаться на добросовестность копииста Василия Щеглова. Мы видим документ его глазами.

15 РГИА. Ф. 706. Оп. 1. Д. 17 (мкф.). Л. 3.

ужин» (аналогично); 14-го – «Бал в Эрмитаже, ужин и спектакль. Сажу рядом с принцессой». Сразу за этим следует запись: «14 декабря. Я прошу разрешения...» (дальнейший текст, по свидетельству Щеглова, зачеркнут). А следующие четыре записи опять без месяца, но... первая из них обозначена 7-м числом, и снова воскресеньем; да и события соответствуют предыдущей «семерке»: «Принцессы поехали смотреть Таврический дворец, а вечером в Эрмитаже был спектакль. Давали “Испанский замок”». Получается, Александр дважды пишет об одном и том же, но на разных страницах? Причем делает это постфактум, поскольку осенью 1792 года 7-е число приходилось на воскресенье в ноябре, однако же мы знаем, что принцессы только прибыли в Петербург 31 октября. И об этом тоже есть запись, но уже на 13-й странице (как это фиксирует Щеглов):

«31 октября 1792 года. Я имел несчастье потерять полковника Петра Салтыкова, друга, которого я очень любил и о котором буду сожалеть всю свою жизнь. В тот же день в 9 часов вечера прибыли принцессы Луиза и Фредерика Баден Дурлахские».

Таким образом, если смотреть по порядку страниц, то несколько записей о ноябрьских событиях предшествуют в дневнике хронологически более ранним.

Для удобства читателя я привожу заметки Александра в хронологической последовательности, сопровождая их записями Протасова за те же даты:

<i>Дата</i>	<i>Записная книжка е.и.в. Александра Павловича¹⁶</i>	<i>Дневные записки Александра Протасова¹⁷</i>
31 октября 1792 года	31 октября 1792 года. Я имел несчастье потерять полковника Петра Салтыкова, друга, которого я очень любил и о котором буду сожалеть всю свою жизнь. <u>В тот же день в 9 часов вечера прибыли принцессы Луиза и Фредерика Баден Дурлахские.</u>	В препровождении тайного действительного советника Стрекалова и штатс-дамы графини Шуваловой прибыли сюда Баден-Дурлахские две принцессы Луиза-Августа и Фридерика-Доротея. Ее величество изволила ожидать их светлостей в Шепелевском доме, нарочно для них приготовленном, и, побыв с ними с полчаса, изволила к себе возвратиться. Приезд сей был в 9-м часу вечера.

16 РГИА. Ф. 706. Оп. 1. Д. 17 (мкф.). Л. 4–6. Записи, начиная с 13-й страницы, даны по описанию Щеглова. Записи от 7-го, 8-го, 9-го и 10 ноября сделаны на страницах, предшествующих 13-й. Подчеркнутые слова и строки подчеркнуты в копии Щеглова.

17 Протасов А.С. *Указ. соч.* С. 767 и далее (в хронологическом порядке).

Дата	Записная книжка е.и.в. Александра Павловича	Дневные записки Александра Протасова
2 ноября	<u>Папа и мама прибыли из Гатчины перед обедом, а вечером я увидел принцесс в их [принцесс. – А. К.] покоех. Остаток вечера мы провели вместе с бабушкой.</u>	Перед обедом прибыли из Гатчины их императорские высочества великий князь и великая княгиня. В вечеру великие князья и великие княжны были у родителей, куда прибыли новоприезжие принцессы, где было и первое свидание. Потом великие князья были в <i>Societe</i> у государыни, где и принцесс нашли.
3 ноября	В большом Эрмитаже состоялась аудиенция польских представителей. <u>После спектакля я подошел к принцессе Луизе и впервые заговорил с ней.</u>	В среду был большой Эрмитаж и театральное представление: «Езда на охоту Генриха IV», при чем и принцессы были. Тут в первый раз большое общество их увидело.
4 ноября	<u>Мама и папа посетили принцесс после обеда. В тот вечер они [принцессы. – А. К.] не выходили.</u>	Представлялись к ним первой знати дамы и члены совета, и они в тот день не выходили из своих покоев.
5 ноября	<u>Папа и мама уехали утром в Гатчину, а вечером в Эрмитаже был концерт, во время которого я имел возможность сказать несколько слов принцессе Луизе.</u>	Их высочества великий князь и великая княгиня в 9-м часу утра отправились в Гатчину. В оный день был концерт в Эрмитаже в маленьком обществе, при чем и принцессы находились; допущена была также и польская делегация. В продолжение оного великий князь Александр Павлович обходился с принцессою старшею весьма стыдливо, но приметна была в нем большая тревога, и с того дни, полагаю я, начались первые его к ней чувства.
6 ноября	<u>Михайлов день. Бабушка отстояла мессу на антресолях вместе с нами. Спустившись вниз, она отправилась за принцессами, и мы все пошли гулять по Эрмитажу. Во время прогулки у меня было много возможностей поговорить с принцессой Луизой, и я ощущал себя чрезвычайно влюбленным. После прогулки Бабушка отвезла нас к ним в гости. – Вечером были маленькие игры, в том числе фанты, и, когда выпал мой фант, мне приказали сделать статую. Каждый</u>	В вечеру в Эрмитаже были малые игры – в веревочку, в фанты и тому подобное. Александр Павлович обращался с старшею принцессою повольнее. Возвратясь в свои комнаты, говорил мне, что она хороша, и тому подобное. Приметив же, что я в первые дни много ее хвалил, в чем я только отдавал ей справедливость, говорил мне, будто я в нее влюблен, то во мне боится найти соперника. Я отвечал ему по пристойности.

<i>Дата</i>	<i>Записная книжка е.и.в. Александра Павловича</i>	<i>Дневные записки Александра Протасова</i>
	<u>добавил к ней что-то свое, принцесса Луиза подошла и, не касаясь меня, сказала, что мне нужно приложить палец к губам в знак молчания.</u>	
7 ноября	<u>Принцессы поехали смотреть Таврический дворец, а вечером в Эрмитаже был спектакль. Давали «Испанский замок».</u>	Была комедия в Эрмитаже где и принцессы были. Александр Павлович довольно робко обходился со старшею, но не переставал на нее глядеть и отменное иметь к ней замечание. В вечеру долго про ее достоинства со мною разговаривал.
8 ноября	Ее величество выходила (имела выход), и вечер прошел в Бриллиантовой гостиной, <u>где мне посчастливилось сидеть с принцессой Луизой.</u>	Были великие князья у обедни с государынею в антресолях. Оттуда ходили с ее величеством в Эрмитаж и к принцессам, где пробыли до двух часов. По возврате в наши комнаты Александр Павлович рассказывал мне, как принцесса любезна, и описывал подробно ее достоинства. Из всех его уважений приметил я, что он начинает в нее влюбляться. В вечеру были в Эрмитаже, где были обыкновенные игры и танцы. Возвратясь домой, Александр Павлович много со мною говорил о принцессе. В тот вечер обхождение его с нею было посмелее и приятнее.
9 ноября	Ее Величество устроила маленький бал в Эрмитаже, и я впервые имел <u>удовольствие танцевать с очаровательной принцессой Луизой.</u>	Нет записей
10 ноября	В Эрмитаже был спектакль, на котором... [далее зачеркнуто. – А. К.].	Нет записей
14 декабря	Я прошу позволения... [дальнейший текст, по свидетельству Щеглова, зачеркнут. – А. К.].	Нет записей
Без даты	Как идут дела с мадемуазель <i>C.P.F./S.</i> ¹⁸ . Они не могут идти хорошо,	Нет записей

18 Щеглов не разобрал последнюю букву и предложил два варианта: *S* и *F*. Скорее всего речь о графине Прасковье Шуваловой (1767–1828), в замужестве Голицыной, дочери обер-гофмейстерины Екатерины Шуваловой. Протасов пишет о «некотором на непорочность его [то есть Александра. – А. К.] покушении»

поскольку она не делает ничего, что могло бы меня поощрить, и все, чтобы вывести меня из себя. Белизна (кожи) украшает, но у княжны Софи Голицыной она выглядит отвратительно. Посмотрите на ее руки, они словно сделаны из алебаstra. В таком количестве (*par son volume*) мне это... [далее зачеркнуто. – А. К.]. Ее белизна – словно у Белоснежки. Ее руки напоминают руки Геркулеса Фарнезского, это природное произведение искусства. Если бы она не была... [далее зачеркнуто. – А. К.]. Внешность знатной дамы в ней сочетается с мужской красотой, вот мое признание. [Эти записи сделаны на страницах 18–20 записной книжки; часть текста зачеркнута и не разобрана Щегловым. – А. К.]

Допускаю, что при первом взгляде дневничок производит скорее разочаровывающий эффект; изначально очень краткий, он утратил больше половины содержания ввиду того, что большие фрагменты текста кем-то зачеркнуты и не разобраны копиистом. Между тем этот документ очень разговорчив и гораздо информативнее, чем может показаться на первый взгляд.

ГАЛСТУК И БРИЛЛИАНТЫ

Александрю осенью 1792-го только 14 лет, это еще отнюдь не возраст зрелости. И, хотя чисто физически великий князь выглядит старше своего возраста «при всех естественных признаках мужества»¹⁹, его положение в мире взрослых маркировано детской прической и детским галстуком, которые он вынужден носить. Иными словами, он даже визуально мальчишка, а не юноша – и тем более не мужчина. Совсем другое дело принцесса Луиза, которая в свои 13 лет считалась взрослой

со стороны старшей дочери Шуваловой, в котором она, впрочем, по мнению автора, не преуспела. Старшая дочь Екатерины Шуваловой и есть Прасковья; инициалы *C.P.S.* тогда следует читать как *Comtesse Polina Shuvaloff*. См.: Протасов А. Я. *Указ соч.* С. 773.

19 Там же. С. 762.

барышней; к российскому двору она прибывает в сопровождении статс-дамы, но отнюдь не гувернантки, ей, в отличие от сестры, позволено носить бриллианты. Надеть бриллиантовое кольцо, браслет или фермуар могла только *барышня*; в системе визуальных кодов эпохи это отличительный признак, своего рода знак инициации, у мужчин же таковым являлся уже мужской галстук. И вот что удивительно: Екатерина, несмотря на весь свой житейский опыт, по какой-то причине в глазах двора выставляет любимого внука ребенком, а его предполагаемую невесту представляет как женщину²⁰.

АЛИНА КОВАЛЕВА

«ОЩУЩАЛ СЕБЯ
ЧРЕЗВЫЧАЙНО
ВЛЮБЛЕННЫМ»...

Екатерина, несмотря на весь свой житейский опыт, по какой-то причине в глазах двора выставляет любимого внука ребенком, а его предполагаемую невесту представляет как женщину.

Появившись при русском дворе, Луиза в какие-нибудь пару дней произвела фурор. Даже те, кто еще ни разу не видел баденских принцесс, торопились поделиться новостями об исключительных достоинствах по крайней мере одной из них: «Слышал, что старшая [...] соединяет красоту с ангельским нравом и генерально всем полюбилась, – писал знаменитому Александру Безбородко его брат Алексей, – впрочем, я их еще не видел»²¹. «Во всей ея фигуре есть особенная привлекательность, которая в состоянии возбудить любовь к ней и в самом равнодушном существе»; «она чарует своей обходительностью и тем чистосердечием, которым дышат все черты лица ея»; принцесса уже «дорогою всех очаровала»²². Дошло до того, что в первую неделю пребывания принцесс в России некоторые придворные дамы начинают копировать прическу Луизы Баденской²³.

Обыкновенно великого князя Александра даже в эту пору жизни представляют очаровательным плейбоем, первым красавцем Европы, вполне вкусившим прелестей «екатерининского века». Говоря о неприятном положении его высочества между бабушкой и отцом, любят сравнивать строгость гатчинских

20 Впрочем, на собственных внуков Екатерина смотрела похожим образом; так, например, Александру Павловну уже в одиннадцать лет официально стали считать «взрослой девицей»: Грот Я. К. *Екатерина в переписке с Гриммом. Статья 3* // *Сборник отделения русского языка и словесности Императорской академии наук*. СПб., 1884. С. 223.

21 *Письма князя Ал. Б. Куракина брату А. Б. Куракину* // *Исторический сборник, издаваемый по бумагам семейного архива князей Куракиных*. СПб., 1904. Т. 1. С. 167.

22 *Императрица Екатерина II, цесаревич Павел Петрович и великая княгиня Мария Феодоровна. Письма, заметки и выписки: 1782–1796*. СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1874. С. 76.

23 *L'impératrice Élisabeth, épouse d'Alexandre 1er*. St.-Petersbourg, 1908. Т. I. P. 75 (письмо Елизаветы к матери от 12/23 ноября 1792 года).

правил – на прусский лад – с «азиатской» раскрепощенностью екатерининского двора, где юный Александр напропалую танцует и кокетничает с фрейлинами. Екатерина, дескать, вовсе старалась сделать из старшего внука мужчину. Между тем, если видеть в Екатерине и Александре не просто бабушку и внука, но правителя и наследника, каждый из которых должен соответствовать определенным ожиданиям, стать своим в политической культуре как России, так и Европы, нетрудно заметить, что государственным интересам империи в значительно большей степени соответствовал образ скромного и даже стыдливого молодого человека, постоянного в своих привязанностях, образцового в семейной жизни, а до той поры «обретающегося в невинности сердечной». Именно таким старшего внука видела императрица, именно таким он и *должен был* быть. Конечно, Екатерина говорила и писала о «господине Александре» с беспримерным кокетством, но в этом вопросе ее взгляды и требования полностью совпадали и с романтическими убеждениями великого князя Павла, и с воспитательной доктриной Цезаря Лагарпа, и с моральными принципами добродетельного кавалера Александра Протасова, и с житейским опытом Николая Салтыкова, заведующего всей воспитательной частью великого князя-внука. Следовательно, нет ничего удивительного, что в окружении таких людей и идей наследник российского престола действительно был воспитан даже несколько пуритански. Поверим державной бабушке, когда она пишет про своего тринадцатилетнего внука следующее:

«Г. Александр телесно, сердечно и умственно представляет редкий образец красоты, доброты и смысленности. Он высок и силен для своих лет, и притом гибок и легок. [...] Предвижу для него одну опасность – это женщины, потому что за ним будут гоняться и нельзя ожидать, чтоб оно было иначе, так как у него наружность, которая все расшевеливает. Впрочем, он не знает, до чего он хорош, и до сих пор не придает большой цены своей красоте. Вы, конечно, понимаете, что *мы и не стараемся сделать из него фата*»²⁴ (курсив мой. – А. К.).

Если предположить, что Александр-подросток действительно не придавал значения достоинствам собственной внешности, то определенный и вполне заметный недостаток он вряд ли мог игнорировать столь же просто. К великому князю уже тогда привязалась прогрессирующая глухота, отравлявшая впоследствии всю его жизнь. Причина ее до сих пор не известна; существуют различные версии, все в пересказе третьих лиц: тяжелая простуда, последствия кори и неудач-

24 Грот Я.К. *Указ. соч.* С. 96–97.

ный выстрел из пушки; одно можно сказать с уверенностью: глуховатым Александр сделался на всю жизнь. Вместе с тем чрезвычайно раздражающая, но все-таки относительная глухота уже повзрослевшего Александра – результат удачного лечения электричеством в 1796 году, после чего ему, по собственному признанию, сделалось гораздо лучше²⁵. А в эту пору он слышал настолько плохо, что его собеседникам приходилось порой громко кричать²⁶, и этот мучительный недуг, разумеется, не мог добавлять великому князю уверенности в себе. Взаимоотношения с противоположным полом четырнадцатилетний Александр описывал следующим образом: он «уже бывал в наших женщин влюблен, но чувства его к ним наполнены были огнем и некоторым неизвестным желанием – великая нетерпеливость видеться и крайнее беспокойство без всякого точного намерения, как только единственно утешаться зрением и разговорами»²⁷. Это «без всякого точного намерения» красноречивее всех других свидетельств показывает, что придворные дамы никаких авансов юному принцу не делали. В единственной недатированной записи своего дневника Александр жалуется, что некая знакомая²⁸ «не делает ничего, чтобы поощрить» его. Это признание для нас очень важно – и не только потому, что Александр в ней раскрывается как неопытный и не уверенный в себе кавалер. В семье Романовых ведение дневников – как и во многих дворянских семьях – входило в систему домашнего образования. Однако же такие дневники мало чем отличались от сочинений на заданную тему, поскольку «воспитатели строго следили» за их заполнением своими подопечными²⁹. Описание возможной интриги вкупе с перечислением внешних данных тех или иных придворных дам, конечно же, невозможно представить в тексте, который подается на проверку. Таким образом, можно предположить, что дневник до известной степени скорректирован Александром в навязываемом ему духе.

Итак, легко поверить, что эти встречи, вечеринки, спектакли действительно много значили для Александра; и в то же время он никоим образом не мог чувствовать себя рядом с Луизой на равных. И, пожалуй, есть недвусмысленная правота в словах графа Головкина, назначенного состоять при Елизавете в том самом 1792 году:

25 Император Александр I и Фредерик-Сезар Лагарп. Письма. Документы. М.: Политическая энциклопедия, 2014. Т. I. С. 192.

26 «То, что делает великого князя неприятным в обществе, это его глухота: нужно громко кричать, потому что он ничего не слышит в одном ухе»: Ростопчин Ф.П. Письма к С.Р. Воронцову // Архив Воронцовых. Т. VIII. М., 1876. С. 95 (письмо от 28 мая 1794 г.).

27 Протасов А.Я. Указ. соч. С. 762.

28 Вероятнее всего, Прасковья Шувалова – см. сн. 18.

29 Дневники великого князя Константина Николаевича. 1858–1864. М.: РОССПЭН, 2019. С. 7.

«Великий князь, будучи только на год старше своей невесты, еще не обладал выработанностью ума и характера; его манерам, кроме тех случаев, когда это требовалось представительством, не доставало грации и достоинства, хотя он был очень красив и образован. [...] Поэтому великий князь, питая к ней уважение, был немного обижен ее превосходством, тогда как его невеста, которая не могла его ни в чем упрекнуть, испытывала некоторую неловкость при мысли о предстоящей *связи с ребенком*»³⁰ (курсив мой. – А. К.).

Из двух дневников – наставника и воспитанника – мы знаем, что его высочество любовался красивой девушкой, с легкостью очаровавшей российский двор, но, в общем, делал это с почтительного расстояния; вероятно, сколько-то слов они друг другу сказали во время «веревочки» и фантов, но здесь нет ничего похожего на ухаживание и флирт. Собственно, флиртовать Александр и не умел; а игра в фанты, в которой Луиза допускает некий телесный контакт, даже без прямых прикосновений, становится настолько ярким событием, что он в подробностях заносит его в дневник.

Ведение дневников во многих дворянских семьях входило в систему домашнего образования. Однако такие дневники мало чем отличались от сочинений на заданную тему, поскольку воспитатели строго следили за их заполнением своими подопечными.

Можно предположить, что на первых порах принцесса несколько разочарована поведением предполагаемого жениха; он почти не упоминается в письмах ноября и первой половины декабря, а самое развернутое описание посвящено внешности (и выполнено по просьбе матери): великий князь высокого роста, шатен с голубыми глазами, хорошо сложен... Такое ощущение, что принцесса просто не знала, что еще можно о нем сказать. Здесь можно сделать еще одно осторожное предположение: вероятно, при дворе своих родителей, в Карлсруэ, Луиза привыкла к несколько более смелым ухаживаниям если не за собой, то во всяком случае за дамами своего круга – иными словами, она представляла себе поведение влюбленного несколько иначе и сомневалась в том, что нравится Александру.

Императрица, похоже, ожидала от внука большего; в разговоре с секретарем она замечает, что «жених застенчив и к ней [Луизе. – А. К.] не подходит», в то время как «старшая прин-

30 Головкин Ф. Г. *Двор и царствование Павла I. Портреты, воспоминания*. М.: Олма пресс, 2003. С. 247.

цесса очень ловка и развязна для своих 13 лет»³¹. Перелом в отношениях наступил примерно в середине декабря:

«Ах, моя дорогая мама, как все изменилось за каких-нибудь семь или восемь дней! Вы увидите все подробности в письме, которое я написала сестре Каролине. Вы помните, мама, как я говорила, что никогда не смогу остаться здесь, но я так перевернулась! Это дает мне повод бесконечно вспоминать ваши слова о том, что мне здесь непременно понравится. Прибавлю, мама, что великий князь мне тоже очень нравится, кажется, и он меня любит. Я написала сестре Каролине и повторяю вам, я даже не могу представить, что это все еще я. Вчера и позавчера Великий князь А. обедал и ужинал с нами. Он всегда говорит мне, что ждет с нетерпением Пасхи, когда он осмелится открыто пожать мне руку, потому что он и сейчас не упускает такой возможности, иногда украдкой под столом или когда нас никто не видит»³².

Неожиданная перемена, несомненно, перекликается с оборванной записью Александра от 14 декабря («Я прошу позволения...»). Мы понимаем, что Александр сделал ее высочеству предложение. Сделал в довольно специфической манере: на обороте игральной карты во время обычного вечера в Эрмитаже³³. Но время и место, выбранные для этого, довольно интересны. Прежде всего, Александру ничто не мешало объясниться лично: как мы знаем из дневничка, молодых людей нередко – и, конечно, не без умысла – оставляли наедине. Кроме того, есть основания полагать, что императрица-бабушка была не совсем довольна длительностью всей этой предсвадебной истории³⁴. Александр, по-видимому, и в самом деле не был вполне уверен в положительном ответе (что, в общем, говорит об определенной наивности великого князя, равно как и о том, что он не рассматривал свой будущий брак сугубо с династической точки зрения). Это ощущение неуверенности, свойственное, наверное, всем юным влюбленным, у великого князя сменяется неподдельным восторгом в ходе счастливого разрешения событий; в тот же день он пишет наставнику Николаю Салтыкову:

«С несказанным удовольствием уведомляю Вашего сиятельства, что дело совершилось. Я нашел случай вчера в вечеру уведомить принцессу об моих чувствах к ней, и я так щастлив был, что она призналась мне, что она им соответствует и что она меня любит. Я по ма-тушкиному приказу был у батюшки, чтобы уведомить его об сем»³⁵.

31 Храповицкий А. В. *Дневник А. В. Храповицкого 1782–1793*. СПб., 1874. С. 415.

32 *L'impératrice Élisabeth...* Т. I. Р. 77 (письмо Елизаветы к матери от 21/1 декабря/января 1792 года).

33 Сейчас эта карта находится в ГАРФ. Ее воспроизвели в: Александр I. *«Сфинкс, не разгаданный до гроба...»*. Каталог выставки. СПб.: Славия, 2005. С. 324.

34 Великому князю Павлу для того, чтобы остановить выбор на своей первой жене, одной из трех предложенных ему Гессен-Дармштадтских принцесс, потребовался один вечер. Впрочем, ради соблюдения приличия Екатерина настояла, чтобы официальное предложение было сделано не ранее, чем на третий день.

35 Александр I... С. 324. Записка не датирована.

АЛИНА КОВАЛЕВА

«ОЩУЩАЛ СЕБЯ
ЧРЕЗВЫЧАЙНО
ВЛЮБЛЕННЫМ»...

Но, конечно, гораздо важнее, что Александр ждал шесть недель, вызывая недовольство как бабушки, так и невесты. 12 декабря ему исполнилось полных пятнадцать лет, он официально «вступил из отрочества в юношество»³⁶, что для Александра, очевидно, в условиях социального неравенства тождественных возрастов было принципиально важным. Между тем даже после свадьбы, описывая некоторые обстоятельства семейной жизни, великий князь без обиняков признавался матери: «Мы, в сущности, еще дети...»³⁷ – то есть продолжил считать себя не вполне взрослым.

Можно сказать, что стараниями Екатерины ее старшие внуки получили, в общем, довольно счастливую возможность – побыть подростками. Они могли самостоятельно распоряжаться мелкими карманными деньгами, избежали необходимости жить в закрытом обществе загородных резиденций, как их младшие братья; а неоднозначная политическая идея Екатерины – связать весь романовский молодежь ранними браками – легализовала для великих князей не особенно приемлемую в доме Романовых культуру подростковой сексуальности³⁸.

Несколько позднее, на Пасху, великий князь добрался до первых поцелуев; однако же и здесь мы видим трогательную историю практически детской чувственности.

«Позавчера, в пасхальное воскресенье, мы [...] отправились в Эрмитаж через покои императрицы, она была столь добра, что подарила мне довольно объемистую фарфоровую корзину, наполненную фарфоровыми же яйцами, чтобы я могла разделить их с моей сестрой Фредерикой, великий князь получил такую же для себя и своего брата. Вернувшись из Эрмитажа, он показал Императрице яйцо, которое выбрал, чтобы подарить мне. Вы должны знать, мама, что здесь, по обычаю, мы должны поцеловаться с тем, кто преподносит нам пасхальное яйцо. Когда он показал это яйцо императрице, она сказала, что нужно сделать все по-русски. Сначала он сказал, что не посмеет, но [...] когда мы вернулись в нашу комнату, он передал ее слова графине [Шуваловой. – А.К.] и после того, как все вышли из комнаты, протянул мне яйцо и поцеловал меня в обе щеки. Вчера за ужином он сказал мне, что [вчера] осмелился на подобное только с позволения Императрицы, но если получит уже мое позволение, то повторит все то же самое после ужина, когда мы будем в нашей комнате, и если мы поторопимся, то сможем провести какое-то время наедине до появления графини и великого князя Константина. Однако же я сказала ему, что не хочу ничего затевать без ведома графини: он передал ей свое

36 Протасов А.Я. *Указ. соч.* С. 769.

37 Рей М.-П. *Александр I. М.*: РОССПЭН, 2013. С. 65.

38 В письмах к матери Луиза Баденская сообщает довольно забавные истории, в которых Александр, бывший тогда еще только женихом, изобретает самые разные нетривиальные способы для поцелуев, объятий и так далее, что в иных обстоятельствах было бы, конечно, совершенно недопустимо.

пожелание, и она, разумеется, ответила одобрительно. Когда мы остались одни в моей комнате, он поцеловал меня, и я поцеловала его в ответ. Полагаю, теперь он всегда будет так делать»³⁹.

АЛИНА КОВАЛЕВА

«ОЩУЩАЛ СЕБЯ
ЧРЕЗВЫЧАЙНО
ВЛЮБЛЕННЫМ»...

Со сменой правления в доме Романовых, как и вообще при дворе, наступили «заморозки»; большой двор поступил в ведение императрицы Марии Федоровны. О поцелуях и записочках не могло быть и речи; вольная или невольная нескромность молодого человека всегда грозили обернуться против него, как это случилось, например, с двоюродным братом Александра, принцем Евгением Вюртембергским:

«Как теперь помню, мы играли в разные игры (*petits jeux*), и было очень весело; [...] я, по детскому простодушию, обошелся, может быть, слишком фамильярно с одной молодой девушкой, которая изображала Психею и избрала меня Амуром, и этим нарушил, вероятно, правила приличия. [...] На следующее утро я не успел еще понежиться в своих пуховиках, как г. Фон Требра, распахнув занавеси моей кровати, излил на меня целый поток самых серьезных внушений по поводу моего вчерашнего неприличного поведения. Признаюсь, я плохо помню эти наставления и совершенно не могу дать себе отчета, по какой причине строгая и серьезная обер-гофмейстерина моей тетушки, графиня Ливен, к которой я явился в этот день засвидетельствовать свое почтение, объявила мне, что моя Психея заслуживает розог и что я сам при первом удобном случае получу подобное вознаграждение из рук государыни»⁴⁰.

Так получилось, что самый знаменитый внук в истории дома Романовых отчасти благодаря, отчасти вопреки воспитательному курсу, которого Екатерина придерживалась в отношении своего «идеального наследника», оказался в некотором роде пионером формирования подростковой социальности в российской культуре (разумеется, внутри дворянского сословия). И, вероятно, именно потому Александр – вообще не замеченный во взрослом возрасте в интересе к дневниковому жанру – или его супруга продолжали хранить несессер зеленого сафьяна и записную книжку в кожаном переплете, хронику романтических осени и зимы 1792 года.

39 *L'impératrice Élisabeth...* Т. I. P. 77 (письмо Елизаветы к матери от 15/26 апреля 1793 года). С. 89–90. Интересно, что герцогиня Амалия, будущая теща Александра, ответила вполне «по-европейски»: она удивилась «терпеливости Александра» и заметила, что у него есть все основания для поцелуев и тому подобное. В следующем письме маркграфиня пишет: «Я очень рада, что лед, наконец-то, сломан и вы начали целовать друг друга» (*Ibid.* P. 127–128).

40 ВЮРТЕМБЕРГСКИЙ Е. *Из записок герцога Евгения Вюртембергского* // Русская старина. 1892. Т. 82. № 11. С. 155–156.

